

Суй Чжоу на мгновение растерялся.

Он уже давно не слышал этого имени.

— Как он умер?

— Долгая история, - вздохнул Тан Фань.

Давным-давно благодаря Тан Фаню Хэ Линь отправился в округ Миюнь в качестве официального наставника.

Начиналось все хорошо. Он собирался было начать жить с чистого листа, но из-за своего упрямства, неумения находить общий язык с людьми и отсутствия жизненного опыта постоянно ссорился с начальством. В результате всего через пару месяцев коллеги из округа Миюнь начали обходить его стороной.

Помощи и поддержки ждать было неоткуда. Наконец Хэ Линь понял, что, если продолжит в том же духе, останется совсем один.

Если и с этой работой не справится, вернувшись к своей семье, со стыда помрет. Тут уж даже Тан Фань ему не поможет.

Жестокая реальность заставила Хэ Линя очнуться. Отбросив свое высокомерие, он склонил голову и принялся понемногу искупать ошибки прошлого.

Поначалу все продолжали испытывать к нему неприязнь. Официальный наставник Миюнь и прежде не имел реальной власти, а теперь и вовсе стал пустым местом. В округе его настолько всерьез не воспринимали, что он даже шагу свободно ступить не мог. Лишившись последней гордости, он наконец успокоился и вернулся к выполнению должностных обязанностей, параллельно работая над характером и изо всех сил стараясь наладить отношения с коллегами и начальством. В глубине души он очень скучал по тем дням, когда Тан Юй была рядом.

Смешно, да и только. Прежде, когда Тан Юй беспрекословно слушалась его во всем, он лишь постоянно придирался к ней, вместо того чтобы беречь и ценить. Хэ Линь сожалел об этом, как и о своем желании провести между ними черту. Теперь, когда его больше никому было баловать, он наконец очнулся. Такова уж человеческая природа. Особенно таких людей, как Хэ Линь.

Примерно через два года освободилось место помощника окружного магистрата. Видя, что Хэ Линь все это время прекрасно справлялся со своей работой, окружной магистрат порекомендовал его на эту должность. Так, Хэ Линь наконец стал чиновником с рангом, пусть и самым низким в Великой Мин. Получить повышение ему теперь было гораздо легче.

В Великой Мин было свыше двух тысяч округов и тысячи ли земель. Тан Фань очень много работал и свободного времени у него было мало, так что за назначениями на должность помощника окружного магистрата он, естественно, не следил. А новости об округе Миюнь время от времени узнавал лишь из-за Хэ Линя.

Хоть супружеская чета и распалась, случаев, когда разбитое зеркало вновь становилось целым, было немало. Тан Юй с Сюэ Лином тогда еще не были вместе. Кто знает, вдруг Хэ Линь

исправился бы, искупил свои прегрешения, и супруги бы вновь сошлись? Тан Фань, как хороший брат, заботился о счастье своей сестры, а потому тайно следил за Хэ Линем и был в курсе всего, что происходило в его жизни.

Дошла до него и новость о том, что Хэ Линь был рекомендован на должность помощника окружного магистрата. То, что его упрямый и высокомерный бывший зять смог наконец измениться и научился взаимодействовать с миром, его несколько удивило и даже обрадовало. Он не стал просить Министерство Назначений об особом к тому отношении и продолжил тихо наблюдать за Хэ Линем, желая узнать, насколько тот изменился.

А Хэ Линь, похоже, действительно изменился сильно. Мирские проблемы стали для него точильным камнем. Получив хорошую оценку за прекрасную работу на должности помощника окружного магистрата округа Миюнь, он был переведен на должность судьи округа Цзоюнь префектуры Датун.

Помощник окружного магистрата имел девятый ранг, а заместитель – восьмой. Это было повышение, однако округ Цзоюнь был не самым хорошим местом, поскольку принадлежал префектуре Датун, а значит, располагался на границе с татарами. В Датуне татарам особенно нравилось грабить несколько округов, и Цзоюнь всегда входил в число наиболее пострадавших от их набегов. Служить там чиновником было непросто.

Тан Фань не был уверен, справится ли на такой должности человек со складом ума и способностями Хэ Линя.

Однако вмешиваться не стал. Как только приказ Министерства Назначений о переводе дошел до округа Миюнь, Хэ Линь отправился в Цзоюнь, чтобы вступить в новую должность.

Тан Фань занимал высокое положение и имел власть распоряжаться людскими судьбами. Лишь одной фразой он мог полностью изменить жизнь Хэ Линя, но не стал этого делать. То, что Хэ Линь сделал Тан Юй в прошлом, больше не имело значения. Все кончилось, они были квиты. Если эти двое решат возобновить отношения, это их воля. Если нет, то это тоже только их дело. Тан Фань следил за Хэ Линем, но не собирался вмешиваться в его жизнь.

Позже, когда Тан Юй с Сюэ Лином поженились и завели детей, прошлое рассеялось, как дым. Тан Фань перестал пристально наблюдать за Хэ Линем, поскольку был очень занят, а вскоре и вовсе о нем позабыл.

С тех пор прошло несколько лет. И вот до него снова долетели новости о Хэ Лине. Правда, связаны они были с нападением на округ Цзоюнь татар.

С тех пор как Ван Чжи с Ван Юэ одержали в Датуне великую победу и захватили в плен старшего сына татарского вождя, кочевые племена поуспокоились. Однако после того, как Ван Юэ перевели в другое место, а Ван Чжи вернулся в столицу, оборона Датун ослабла, и татары вернулись. В то время Великая Мин была занята снятием морского запрета на юго-востоке и борьбой с японскими пиратами. К тому же на юго-западе в Зяоти (северный Вьетнам) поднялось восстание. Внимание всей страны было приковано к этим областям, что дало татарам возможность напасть на округ Цзоюнь, едва не захватив город Датун.

В конечном итоге татары потерпели поражение и бежали несолоно хлебавши, но округ Цзоюнь

очень пострадал и был полностью разрушен. Половина населения была убита, а имущество разграблено. Окружной магистрат повел войска против врага. Татары хотели захватить его, чтобы посмеяться над Двором Мин, но с самого основания династии сдача в плен была весьма щепетильным вопросом. Ученые и гражданские чиновники пеклись о своей чести и предпочитали смерть плену. Магистрат знал, что, если не умрет, репутация его окажется испорчена, а потому покончил с собой и умер при исполнении служебных обязанностей. Все чиновники округа Цзоюнь последовали его примеру.

И Хэ Линь в том числе.

Услышав об этом, Тан Фань долго не мог прийти в себя.

Каким бы человеком Хэ Линь ни был в прошлом, Тан Фань не желал ему такой участи.

Услышав это, Суй Чжоу долго молчал, а затем произнес:

— Достойная смерть.

Действительно. По сравнению с жалкой жизнью в четырех стенах или потерей рассудка из-за постоянных неудач такой конец для Хэ Линя был наилучшим.

Какой бы банальной ни была его жизнь, последний росчерк кисти наполнил ее ярким светом.

Разве не этого Хэ Линь хотел?

Тот уже был мертв, и Тан Фань не мог узнать его мнение на этот счет. В подобной ситуации, выживи Хэ Линь, это было бы равносильно трусливому бегству, и конец его по возвращении из плена был бы не лучше. А так смертью он увековечил свое имя и заслужил посмертный титул.

Пока жил в округе Миюнь, Хэ Линь успел жениться во второй раз и завести двоих детей, сына и дочь, которые только-только научились говорить.

Его жена происходила из обычной семьи, и сестрой члена Кабинета Министров не являлась. Будучи простолюдинкой, она была несказанно счастлива выйти замуж за Хэ Линя, чиновника и представителя знатной фамилии, так что между супругами царила гармония. Отправившись в Цзоюнь, Хэ Линь не взял семью с собой, беспокоясь, что маленькие дети не перенесут долгой дороги. Так что его семья выжила.

Услышав мнение Суй Чжоу, Тан Фань вздохнул.

— Да, смерть достойная. Двор планирует издать указ о выплате пенсии и посмертном титуле. Все как положено. Однако я не собираюсь рассказывать об этом сестре.

— Хорошо, - немного подумав, кивнул Суй Чжоу.

Зачем ей об этом знать?

У Тан Юй была своя жизнь, и возобновлять с ним отношения она не собиралась. Если забыть о

прошлом, Хэ Линь для Тан Юй с Тан Фанем был не более чем простым знакомым.

Чем попусту расстраивать, лучше вообще ничего не говорить.

— Сегодня я ходил во дворец навестить великую вдовствующую императрицу, и та спросила о моих планах на брак и настоятельно порекомендовала поскорее жениться, – сменил тему Суй Чжоу.

Сердце Тан Фаня дрогнуло, а уголки губ изогнулись в улыбке:

— И что же ты ответил?

Суй Чжоу опустил руку на тыльную сторону его ладони, неторопливо поглаживая – в открытую приставал с бесстрастным выражением лица и невозмутимым видом.

— Я, естественно, отказался. Сказал, что мне уже кое-кто нравится. В любом случае, в семье Суй есть наследники – будет кому возжечь благовония. А я эту жизнь проведу один.

Тан Фань бросил на него взгляд:

— Даже если не женишься, можешь кого-нибудь усыновить. Нужно иметь того, кто возожжёт о тебе благовония, иначе в будущем...

— Человек умирает, оставляя после себя лишь кости, – равнодушно бросил Суй Чжоу. – Главное, ценить то, что имеешь. Кто знает, что будет лет через сто. Если что случись, никакие благовония не помогут. Фамилия, благовония – все это мирское.

— Твои слова преисполнены мудрости, а я, напротив, был слишком привязан к материальному, – рассмеялся Тан Фань.

Суй Чжоу сжал его руку и беспечно бросил:

— И так было всегда. Не думай об этом.

Тан Фань заговорил об этом только потому, что к слову пришлось. Видя, что у того подобного и в мыслях нет, он больше не стал поднимать эту тему. Однако слова Суй Чжоу о вдовствующей императрице напомнили ему кое о чем другом...

— По правде говоря, мне кажется, Его Величество, догадался о наших отношениях.

— М? – Суй Чжоу сделал паузу. Эти слова его заинтересовали. – Что тебе сказал Его Величество?

— Ничего, – откашлялся Тан Фань. – Просто мне так показалось.

— Если что, я поговорю с Его Величеством.

— Не нужно, – улыбнулся Тан Фань. – Подождем, пока Его Величество сам не спросит.

Император действительно обо всем догадался.

Он был не слепой и не глухой. Как бы Тан Фань с Суй Чжоу ни скрывались, кое-что не заметить было нельзя. К тому же Сын Неба управлял чиновниками и угол обзора ему открывался совершенно иной. Мудрейший Сын Неба прекрасно знал о каждом шаге своих подданных...

Короче говоря, император был в курсе.

Однако, вопреки ожиданиям Тан Фаня с Суй Чжоу, узнав обо всем, он не стал их расспрашивать или поучать, а с сердцем, полным беспокойства, послал за Ван Чжи.

— Мы слышали, евнух Ван дружен с министром Таном?

Застигнутый врасплох этим внезапным вопросом, Ван Чжи тотчас прокрутил в голове всевозможные сценарии, включая заговоры и интриги, которые могли бы заставить императора спросить такое. Император подозревает высокопоставленного чиновника в сговоре с евнухом? Император хочет испытать его? И так далее в том же духе.

— Ваше Величество, - наконец ответил он. - Министр Тан и ваш покорный слуга несколько раз сотрудничали ради общего дела. Нас можно назвать старыми знакомыми, но общаемся мы не то чтобы часто.

— Евнух Ван, не волнуйся. Мы спрашиваем без особого умысла. Просто хотим узнать, ты... Знаешь ли ты...

Его бормотания заняли порядочное количество времени, однако ничего путного он из себя так и не выдал.

Наблюдая за внутренней борьбой императора, Ван Чжи все же спросил:

— Ваше Величество хочет спросить своего слугу, знает ли тот о?..

— О... Хм... - император откашлялся. - Об отношениях министра Тана и графа Дин Аня...

Ван Чжи, конечно же, знал о них, но открыто говорить о таком императору не мог.

В конце концов, гордиться тут было нечем. Хоть в те времена отношения между мужчинами были весьма распространены, Тан Фань с Суй Чжоу имели особенный статус. Если бы у императора возникли какие-то подозрения или о них прознали бы цензоры, поднялась бы знатная шумиха.

По мнению Ван Чжи, лучшее, что эти двое могли сделать, так это взять себе жен, завести детей и развлекаться наедине, как хотят - все были бы в плюсе! Но Тан Фань с Суй Чжоу так поступать не желали, а Ван Чжи не мог их заставить. Оскорбления и похвала других были для Ван Чжи не более, чем колючкой в сапоге. В славные времена существования Западной Ограды люди его за спиной каждый день проклинали, тыча иголками, словно соломенную куклу. И что? Он до сих пор оставался во славе. Хлопкового Лю и прочих выгодоискателей, играющих на два лагеря, цензоры вечно обвинениями закидывали, но разве жизни их от этого становилась хуже? Очевидно, что слова этих бездельников цензоров не стоили ничего, и беспокоиться о них нужды не было. Значение имело лишь мнение императора.

Нынешняя же реакция императора была несколько странной. Не похожей ни на подозрение,

ни на неприятие, ни на одобрение.

Немного подумав, Ван Чжи наконец смог подобрать слова:

— Насколько вашему покорному слуге известно, они действительно очень близкие неразлучные друзья.

— До нас доходили ничем не подкрепленные слухи, - продолжал колебаться император. - Мол, министр Тан и граф Дин Ань - больше, чем просто друзья?

Ван Чжи решил косить под дурачка до последнего:

— Прошу простить этому слуге его глупость, но он не понимает, что Ваше Величество имеет в виду.

Император хотел было что-то добавить, но замолк, бросил на Ван Чжи пару взглядов, а затем ответил:

— Забудь. Сделай вид, будто мы тебя ни о чем не спрашивали.

Ван Чжи не мог понять, что происходит в голове у императора. Желая прощупать почву, он изобразил на лице удивление:

— Ваше Величество хочет сказать, что между министром Таном и графом Дин Анем есть?..

— Мы ничего такого не говорили, - поспешил перебить его император. - Мы просто задали вопрос. Если ты так не думаешь, значит, ничего нет.

На самом деле, только услышав об их отношениях, император был так потрясен, что наотрез отказался в них верить. А после, понаблюдав за Тан Фанем с Суй Чжоу некоторое время, обнаружил, что это, кажется, правда. Однако это было личное дело этих двоих. Император был не настолько ограничен, чтобы заподозрить, будто те состоят в сговоре. К тому же при посторонних они вели себя осторожно и поводов для сплетен не давали.

Так называемыми «ничем не подкрепленными слухами» были лишь дворцовые домыслы и выводы, сделанные императором на основании собственных наблюдений.

Ван Чжи еще недостаточно хорошо знал его. Он опасался, что император начнет их в чем-то подозревать, тогда как, на самом деле, тот думал совершенно о другом.

— Евнух Ван.

— Ваш покорный слуга слушает.

— Не рассказывай никому о том, что мы тебе только что сказали. Это навредит репутации министра Тана и графа Дин Аня.

— Этот слуга все понял, - Ван Чжи помрачнел, подумав: «Вообще-то я боюсь из-за тебя!»

Терзаемый беспокойством, император продолжил:

— У нас нет никаких соображений по этому поводу. Но если такие мысли посетили нас, то и других тоже могут. Как думаешь, есть ли способ оставить все в тайне?

Вот теперь Ван Чжи удивился по-настоящему:

— Этот слуга думал, что Ваше Величество сочтет подобное неправильным и аморальным.

— Если мы заговорили о морали, то разве отношения покойного императора с благородной наложницей не были аморальными и неправильными? - рассмеялся император.

Ван Чжи предпочел промолчать. На вопрос этот ответить было нелегко.

— Мы, пусть и провели во дворце долгое время, повидать успели многое. Да и случай министра Тана не особо удивителен. Министр Тан с графом Дин Анем вместе не раз находились на грани жизни и смерти, пережили немало невзгод. Мы можем понять, почему их отношения такие глубокие. Разве у нас с императрицей не так же? Кроме императрицы нам больше никто не нужен. Супружеских пар, что одни друг у друга, в этом мире немного, но не так уж и мало.

— ...Кругозор Вашего Величества широк. Этому слуге до вас далеко!

На самом деле Ван Чжи хотел сказать: “Как вы можете так спокойно сравнивать их с собой?! Вот уж действительно большое сердце!”

\*\*\*

Послесловие автора:

На самом деле в нормальных обстоятельствах такие отношения, как у господина Тана с домочадцем, сами по себе - баг, так что, пока император их принимает, беспокоиться о том, что подумают другие, нет нужды~

А Его Величество не только принял их, но и забеспокоился, не выдаст ли Ван Чжи их секрет, поэтому посоветовал тому следить за своими словами. Это сбило командующего Вана с толку...

В прошлый раз я говорила, что хочу посплетничать о посмертном храмовом имени Хунчжи~

Посмертным храмовым именем Чжу Ютана было “Сяоцзун” (где 子, “сяо” - сыновняя почтительность). И в историю он вошел как Мин Сяоцзун.

За все то, что он сделал, ему могли бы дать посмертное храмовое имя “Жэньцзун” (где 仁, “жэнь” - это доброжелательность), но имя “Жэньцзун” уже было занято сыном Чжу Ди (тот был действительно очень хорошим императором, но правил недолго).

Так что иероглиф “子” использовать было нельзя. После смерти императора высокопоставленные чиновники принялись спорить, какое же тому дать храмовое имя.

Потому что храмовое имя равносильно эпитафии, итогу жизни императора. И отражает оно то, каким императором тот был.

Самый наглядный пример - это император Цзяцзин из династии Мин. Его храмовым именем было “Шицзун” (где 世, “ши” - преемственность, эпоха). Оно было дано ему не ради восхваления, а для того, чтобы подчеркнуть: “Наследование клана изменилось, императорский трон достался не старшему сыну”. Читатели должны знать о том, как император Цзяцзин взошел на

престол. Его двоюродный брат не оставил наследника, поэтому Кабинет Министров и передал ему власть (его двоюродным братом как раз был сын нынешнего императора). (Цин Шицзун был исключением. Почему ему дали такое посмертное храмовое имя, до сих пор неясно, так что не парьтесь)

Но вернемся к нашей теме. 孝 означает не только сыновнюю почтительность (孝), но и праведность (善), так что Сяоцзуна можно поставить в один ряд с Жэньцзуном~

Доброта и любовь к родителям зовутся сыновней почтительностью~

Неутомимая нежность зовется сыновней почтительностью~

Терпеливое умение дать тактичный совет старшим зовется сыновней почтительностью~

Непредвзятое наказание в качестве наставления зовется сыновней почтительностью~

Все это - 孝, сяо.

Посмертное храмовое имя Сун Сяоцзуна Чжао Шэня отсюда же пошло. Иероглиф 孝 обычно означает, что император был очень хорошим.

После смерти императора чиновники, отвечавшие за церемониал, собрались и вместе с Кабинетом Министров придумали посмертное храмовое имя. Все дружно решили: "Подобные великодушные и мудрость в наше время редкость, и словами их не описать. Желаем к посмертному титулу добавить иероглиф "孝" (цзин, почтение), а к храмовому имени - "孝", - что значило: "Думаем, такие доброжелательные императоры в наше время редкость, так что подходящее храмовое имя подобрать для него очень трудно". Окончательное решение Кабинета Министров было следующим: "Сыновняя почтительность - первая из ста добродетелей, а почтение - источник всякого добра".

Вот откуда взялся Сяоцзун~

\*\*\*

Примечания переводчика:

Баг? Интересно, что именно МСШ хотела этим сказать... Если бы добавила "с точки зрения людей того времени" или "с точки зрения большинства", я бы поняла, а так... Вроде бы человек пишет о гомосексуальных отношениях, но при этом сам считает такие отношения ненормальными, ошибкой, багом? Впрочем, скрытая гомофобия авторов слэша многое объясняет ;D

Радует в этой главе только новый император. Оплот адекватности;D И работает хорошо, и не мстит никому, и жене не изменяет, еще и толерантный вдобавок. Чудо какое-то!

Вы терпите постоянные неудачи? Не умеете общаться с людьми? У вас "ограниченный кругозор"? Чего зря воздух коптить? Самоубийство - лучший выход!

Вот так просто называть чью-то жизнь жалкой (ну да, не всем министрами быть!) а потом добавить, что, мол, лучший исход для таких - это суицид с пенсией бонусом) Алло! Большая часть людей так живет, даже хуже! Мы не все везучие и гениальные министры) Большинство склонны к комплексам, неудовлетворены жизнью, собой, своим положением, и при этом

далеко не все удачливы или достаточно мозговиты, чтобы что-то изменить. Что теперь, всем с собой кончать?..

Плюсом, видать, Хэ Линь недостаточно горд и упрям был, раз из-за страха оказаться в изоляции от коллег начал резко менять свой характер. На собственном опыте (да, меня тоже можно отнести к упрямым личностям с “тяжелым характером”, которые не умеют взаимодействовать с миром) скажу, что так просто это не работает. Такие люди меняются либо естественным путем, незаметно для самих себя, либо не меняются вообще. Насильные попытки измениться ощущаются так, будто ты сломал себя, прогнулся под общество. Оказавшись один, всеми отвергнутый, он бы скорее решил: “О времена, о нравы! Один я адекватный в окружении аморальных идиотов”, - и продолжил бы дальше жить как жил. Нелегко начать “дружиться” с коллегами, если ты их всех осуждаешь, да и соц. навыки у тебя на нуле... Хотя, возможно, я ошибаюсь. С другой стороны, МСШ тоже такой себе психолог.

А еще меня немного потрясла традиция массовых суицидов среди гражданских чиновников (это не потому, что я такая впечатлительная или никогда о подобном не слышала). А то, что СЧ с ТФ отзываются о них как о “достойной смерти” еще больше покорежило. Мне сложно представить, чтобы ТФ поступил на его месте так же. И новельный, и тем более дорамный. Последний вообще о своей чести, добром имени и производимом на коллег и императора впечатлении не задумывался особо.

“Сегодня я ходил во дворец навестить великую вдовствующую императрицу, и та спросила о моих планах на брак и настоятельно порекомендовала поскорее жениться, - сменил тему Суй Чжоу” - сменил, так сменил. Радикально. Такое ощущение, что он там весь вечер сидел и от нетерпения горел поскорее вброс этот устроить, ТФ кипятчком обдать, чтобы не расслаблялся. И сразу ловко ручкой погладить, чтобы проще уломать было... Возможно, я надумываю.

По большей части мое недоумение опять вызвало то, что ТФ затирает СЧ о продолжении рода и благовониях, а о том, что он сам мужчина, у которого нет наследников, все снова забыли. А ведь он прежде больше всех из-за этого переживал! Да, у него есть племянник, но это сын Тан Юй, а не его. У СЧ, коли на то пошло, тоже племянники имеются. И тоже с фамилией “Суй”.

В-пятых, как мы уже знаем на опыте Лу Линси, хорошо же эти двое скрывались! К ТФ претензий нет, все поползновения в общественных местах (впрочем, и не в общественных) были только от СЧ. Естественно, император все заметил! Он сидит на своем троне и с высоты за всеми наблюдает. Если уж ЛЛС заметил, то и он давно. А СЧ еще с таким уверенным видом заявлял, что разберется, если об их отношениях узнают. И что? Разобрался? Ван Чжи отдуваться пришлось) Он там наверняка поседел лет на 20 вперед, бедняга.

Повезло им, что император душка. Любой другой бы им уже устроил.

Кароч, отмените этого новельного СЧ. У меня на него аллергия ппц.

“По мнению Ван Чжи, лучшее, что эти двое могли сделать, так это взять себе жен, завести детей и развлекаться наедине, как хотят - все были бы в плюсе!” - ага, все, кроме несчастных жен. Но ВЧ женщин за людей особо не считает, так что все оккк.

Кароч, прорвало меня знатно. Глава была сложной, относительно большой и для меня несколько тяжелой. До конца еще 3 экстры... Хорошо хоть у меня отпуск начался.

<http://tl.rulate.ru/book/50212/4406792>